

От собеседника

Станислав Коренблит

Сторона 1 – 21.05

Сторона 2 – 21.15

1. Игрушки	- 2.38	1(15). Боже мой!	- 2.37
2. Искушение	- 1.12	2(16). Подошли метели	- 1.11
3. Без исторического опыта –	1.18	3(17). Тишайший снегопад –	1.34
4. Не бойся	- 1.24	4(18). Отец	- 1.40
5. С тобою	- 1.01	5(19). Отсрочка	- 1.52
6. Объяснение в любви	- 0.51	6(20). Разминулись	- 1.32
7. Влечение к одиночеству –	1.07	7(21). Беда	- 1.08
8. Помутнённое сознание	- 1.14	8(22). Два успеха	- 1.26
9. Подкова счастья	- 1.14	9(23). В срок	- 1.26
10. Варёная картошка	- 1.46	10(24). Старость	- 1.23
11. Люди сентября	- 2.45	11(25). Прощание со снегом	- 2.26
12. Кривые зеркала	- 1.21	12(26). Прозрение	- 1.28
13. Последний сеанс	- 1.10	13(27). Откуда и куда	- 1.32
14. Лишь услышу	- 2.14		

Общее время звучания – 42.20

СТОРОНА 1

ИГРУШКИ

Множество затейливых игрушек -
 Буратин, матрешек и петрушек, -
 Не жалея времени и сил,
 Мастер легкомысленный придумал,
 Души в плоть бунтующую вдунул,
 Каждому характер смастерил.

Дергает за ниточку - и сразу
 Буратины произносят фразу,
 А матрешки пляшут и поют,
 Сверхурочно вкалывают, ленятся,
 Жрут антабус, друг на дружке женятся
 Или же разводятся и пьют.

Мастер! Ты о будущем подумай!
 Что тебе труды твои сулят?!
 У одной игрушки взгляд угрюмый,
 А другая опускает взгляд.

На тебя они влияют плохо,
 Выщербили пошлостью твой нож.
 Ты когда-то был похож на Блока,
 А теперь на Бальмонта похож.

Пахнет миндалем, изменой, драмой;
 Главный Буратино - еретик,
 Даже у игрушки самой-самой
 Дергается веко - нервный тик.

На ручонках у нее экземой
 Проступает жизни суета.
 Драмой пахнет, миндалем, изменой,
 Приближеньем Страшного суда.

Выглядит игрушка эта дико,
 Так и тараторит во всю прыть.
 Тщетно уповаает Афродита
 Мастера в продукцию влюбить.

Поклонился бы земным поклоном,
 И, ножа сжимая рукоять,
 Стал бы он самим Пигмалионом -
 На колени не перед кем стать.

ИСКУШЕНИЕ

Запретный Плод, не сорванный никем,
 На землю пал, зарылся в прель глубоко, -
 И яблоня стоит, как манекен,
 Добра и Зла лишенная до срока.

Но минет срок, и яблоня опять
 Запретными плодами отягчится,
 О, только бы случайно не сорвать,
 Добру и Злу опять не обучиться!

Мы объявили яблоку бойкот,
 Вкушать не станем ни в гостях, ни дома.
 Пусть искушитель Змий напрасно ждет
 И торжествует формула Ньютона.

БЕЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Какие-то колокола
 Или какой-то звон капели.
 Казалось, ростепель была,
 Казалось, что на самом деле.

Но было всем разрешено
 Немножко больше, чем дано
 Природой или же Всевышним,
 И оказалось потому
 Не по плечу, не по уму
 И не по духу, то есть лишним.

Лишенные величины,
 Вы все торчать обречены,
 Как спицы в колесе без обода, -
 Без исторического опыта.

НЕ БОЙСЯ

Что-то разъяло на стаи лесные
 Мир человеческого бытия.

Стая твоя, как и все остальные,
Эта случайная стая твоя.

Кто его знает, что с нами случится, -
Нету и не было вех на судьбе.
Только не вой, молодая волчица,
Ветер и так завывает в трубе.

Я не сужу, а почти понимаю, -
Там, где предзимние ветры свистят,
Сбились на вечер в случайную стаю
Несколько лютых волчиц и волчат.

Только не бойся от стаи отбиться,
Жалобно так и тоскливо не вой,
Только не бойся на вечер прибиться
К старому волку из стаи чужой.

С ТОБОЮ

Все разошлись и вновь пришли,
Опять уйдут, займутся делом.
А я ото всего вдали,
С тобою в доме опустелом.

События прожитого дня,
И очереди у киоска,
И вести траурной полоска -
Не существуют для меня.

А я не знаю ничего,
И ничего не понимаю,
И только губы прижимаю
К подолу платья твоего.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

... И обращается он к милой:
- Люби меня за то, что силой
И красотой не обделен.
Не обделен, не обездолен,
В поступках тверд, а в чувствах - волен,
За то, что молод, но умен.

Люби меня за то хотя бы,
За что убогих любят бабы,
Всем сердцем вопреки уму, -
Люби меня за то хотя бы,
Что некрасивый я и слабый
И не пригодный ни к чему.

ВЛЕЧЕНИЕ К ОДИНОЧЕСТВУ

Я люблю - и ты права,
Ты права, что веришь свято,

Так, как верили когда-то
В эти вечные слова.

Я люблю...
Так почему,
Почему же, почему же
Мне с тобой гораздо хуже
И трудней, чем одному?

Прохожу все чаще мимо,
И любовь уже не в счет,
И к себе
Неотвратимо
Одиночество влечет.

ПОМУТНЕННОЕ СОЗНАНЬЕ

Мы просыпались в сумраке мгlistом,
Друзья не друзья, враги не враги, -
И стала наша любовь со свистом
Делать на месте большие круги.

От понедельника до субботы,
От новогодья до ноября;
Эти свистящие повороты,
Все вхолостую, впустую, зря.

Мы не держались тогда друг за друга,
И свист перешел постепенно в вой,
И я сорвался с этого круга
И оземь ударился головой.

И помутилось мое сознание...
О, прояснить его помоги!
Снег моросит. И в густом тумане
Перед глазами плывут круги.

ПОДКОВА СЧАСТЬЯ

Подкова счастья! Что же ты, подкова!
Я разогнул тебя из удалства
И вот теперь согнуть не в силах снова -
Вернуть на счастье жалкие права.

Как возратить лицо твое степное,
Угрюмых глаз неистовый разлет,
И губы, пересохшие от зноя,
И все, что жизнь обратно не вернет?

Так я твержу девчонке непутевой,
Которой все на свете трын-трава, -
А сам стою с разогнутой подковой
И слушаю, как падают слова.

ВАРЕНАЯ КАРТОШКА

В огромном доме, в городском июле,
Варю картошку в маленькой кастрюле.

Кипит водопроводная вода, -
Июльская картошка молода, -

Один как перст,
Но для меня отверст
Мир
Накануне
Страшного Суда.

На всех пространствах севера и юга
Превысил нормы лютый зной июля.

Такого не бывало никогда –
Ах, боже мой, какие холода...

Варю картошку в мире коммунальном,
Равно оригинальном и банальном.

Мудрей не стал, - но дожил до седин.
Не слишком стар, давным-давно один.

Не слишком стар, давным-давно не молод,
Цепами века недоперемолот.

Пятидесяти от роду годов,
Я жить готов и умереть готов.

ЛЮДИ СЕНТЯБРЯ

Мы люди сентября. Мы опоздали
На взморье Рижское к сезону, в срок.
На нас с деревьев листья опадали,
Наш санаторий под дождями мок.

Мы одиноко по аллеям бродим,
Ведем беседы с ветром и с дождем,
Между собой знакомства не заводим,
Сурово одиночество блюдем.

На нас пижамы не того покроя,
Не тот фасон ботинок и рубах.
Официантка нам несет второе
С презрительной усмешкой на губах.

Набравшись вдоволь светскости и силы,
Допив до дна крепленое вино,
Артельщики, завмаги, воротилы
Вернулись на Столешников давно.

Французистые шляпки и береты

Под вечер не спешат на randevu,
Соавторы известной оперетты
Проехали на юг через Москву.

О, наши мешковатые костюмы,
Отравленные скепсисом умы!
Для оперетты чересчур угрюмы,
Для драмы слишком нетипичны мы.

Мигает маячок подслеповато -
Невольный соглядатай наших дум.
Уже скамейки пляжные куда-то
Убрали с чисто выскобленных дюн.

И если к небу рай прибит гвоздями,
Наш санаторий, не жалея сил,
Осенними и ржавыми дождями
Сын плотника к земле приколотил.

Наш санаторий мнится сущим раем,
Который к побережью пригвожден.
Мы люди сентября. Мы отдыхаем.
На Рижском взморье кончился сезон.

КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА

В жизни парка наметилась веха,
Та, которую век предрекал:
Ремонтируем комнату смеха,
Выпрямляем поверхность зеркал.

Нам ошибки вскрывать не впервые,
Мы, позорному смеху назло,
Зеркала выпрямляем кривые,
Ставим в рамы прямое стекло.

Пусть не слишком толпа веселится,
Перестанет бессмысленно ржать, -
Современников доблестных лица
Никому не дадим исказить!

ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС

Парк культуры и отдыха имени
Совершенно не помню кого...
В молодом неуверенном инее
Деревянные стенды кино.

Жестким ветром афиши обглоданы,
Возле кассы томительно ждут,
Все билеты действительно проданы,
До начала пятнадцать минут.

Над кино моросянка осенняя,
В репродукторе хриплый романс.

Весь кошмар моего положения
В том, что это последний сеанс.

ЛИШЬ УСЛЫШУ

Лишь услышу - глаза закрываю,
И волнение сдержать нету сил,
И вполголоса сам подпеваю,
Хоть никто подпевать не просил.

Лишь услышу, лишь только заслышу,
Сразу толком никак не пойму:
То ли дождь, разбиваясь о крышу,
Оглашает кромешную тьму,

То ли северный ветер уныло
Завывает и стонет в трубе
Обо всем, что тебя надломило,
Обо всем, что не мило тебе?

Схлынут горести талой водою,
Будет полночь легка и вольна,
И в стаканах вино молодое,
И на скатерти пятна вина.

И казалось, грустить не причина,
Но лишь только заслышу напев,
Как горит, догорает лучина, -
Сердце падает, оторопев.

Эту грусть не убью, не утишу,
Не расстанусь, останусь в плену.
Лишь услышу, лишь только заслышу -
Подпевать еле слышно начну.

И, уже не подвластный гордыне,
Отрешенный от суетных дел,
Слышу так, как не слышал доньше,
И люблю, как любить не умел.

СТОРОНА 2

БОЖЕ МОЙ!

Осенняя закончилась пора,
Была сухая, быстрая погода,
Когда ведро с водой вблизи костра
Поставила хозяйка огорода.

В огонь бросая ржавое прутье,
Она сидела у костра в покое,
Почти полвека я любил ее,
Хотя не знаю, что это такое.

Мы с ней почти полвека жили-были.

Я был - ничем. Зато она была
 Усердной собирательницей пыли
 На мелких безделушках без числа, -
 А было их действительно немало, -
 Но даже это в ней меня пленяло.

В ней все меня пленяет до сих пор, -
 И этот резко выраженный пол,
 И злая жалость ко всему живому,
 И мудрость при отсутствии ума,
 И ностальгия по семье и дому,
 И то, о чем, не ведая сама,
 Все знает. Все. Но только по-другому -
 Не разумом и духом, как Сократ,
 А глубже и природней во сто крат.

Бессмысленно мерцая спелым телом
 В крошечной тьме, на белом, по ночам,
 Мироустройство представляет в целом,
 А не разъято и не по частям.

Когда вода квартиру заливала
 Из сочлененья ржавых труб, зимой,
 О, как она, бедняжка, ликовала,
 Что в доме есть мужчина...

.....
 боже мой!

ПОДОШЛИ МЕТЕЛИ

Что-то дует в щели,
 Холодно в доме.
 Подошли метели
 К сердцу моему.
 Подошли метели,
 Сердце замели.
 Что-то дует в щели
 Холодом земли.
 Призрак жизни давней
 На закате дня
 Сквозь сердечко в ставне
 Смотрит на меня.

ТИШАЙШИЙ СНЕГОПАД

Тишайший снегопад -
 Дверьми обидно хлопать.
 Посередине дня
 В столице как в селе.
 Тишайший снегопад,
 Закутавшийся в хлопья,
 В обувке пуховой
 Проходит по земле.

Он формами дворов
 На кубы перерезан,
 Он конусами встал
 На площадных кругах,
 Он тучами рожден,
 Он окружен железом, -
 И все-таки он кот
 В пуховых сапогах.

Штандарты на древках,
 Как паруса при штиле.
 Тишайший снегопад
 Посередине дня.
 И я, противник од,
 Пищу в высоком штиле,
 И тает первый снег
 На сердце у меня.

ОТЕЦ

Вот и назвали наконец
 Меня отцом. Вот и назвали...
 Какой-то парень на вокзале:
 - Подвинься, - говорит, - отец...

Кто я такой? Ни вождь, ни гений...
 А вот признал во мне отца -
 И сделал это от лица,
 Как говорится, поколений.

Достанет ли ума и сил...
 Как говорится, все по плану.
 И не обидно - сыном был,
 Теперь отцом, как видно, стану.

Под Новый год вместо льгот,
 Не в убажение гордыне,
 Я наречен отцом. Отныне
 Особый возраст настает.

Я был помилован свинцом,
 Но время милости не знает, -
 Признает или не признает,
 Что я достоин быть отцом?

ОТСРОЧКА

Как благородна седина
 В твоей прическе безыскусной,
 И все-таки меня она
 На лад настраивает грустный.

Откуда этот грустный лад?
 Оттуда все же, думать надо,

Что я премного виноват
Перед тобой, моя отрада.

В дремотной темноте ночной
Мне слабо видится сквозь что-то,
Как ты склонилась надо мной,
Обуреваема заботой.

Как сохраняешь мой покой,
Мой отдых над отверстой бездной.
Бог наградил меня тобой,
Как говорится, безвозмездно.

За мой земной, неправый путь
Судья Всевышний надо мною
Отсрочил Страшный суд чуть-чуть
Во имя твоего покоя.

РАЗМИНУЛИСЬ

Арбат - одна из самых узких улиц...
Не разминуться на тебе, Арбат!..
Но мы каким-то чудом разминулись
Тому почти что двадцать лет назад.

Быть может, был туман... А может, вьюга...
Да что там... Время не воротишь вспять...
Прошли - и не заметили друг друга,
И нечего об этом вспоминать.

Не вспоминай, а думай о расплате -
Бедой кормись, отчаяньем дыши
За то, что разминулись на Арбате
Две друг для друга созданных души.

БЕДА

Беда. Но дело даже не в беде,
А в том, что - как, а в том, что - кто и где,
Таясь в тени, красуясь на виду,
Откликнулся - ответил на беду.

Любимый друг! Ухмылочку кривую
Забуду - и на том восторжествую.
Ухмылочку не чью-то, а твою,
Но никаких обид не затаю.

Любимый враг! Спасибо за подмогу.
Ты оказался другом. Слава богу!
Спасибо всем – до Страшного суда.
Ну а беда, она и есть – беда.

ДВА УСПЕХА

Что мне сказать о вас... О вас,

Два разных жизненных успеха?
 Скажу, что первый –
 Лишь аванс
 В счет будущего... Так... Утеха.

Что первый, призрачный, успех -
 Дар молодости, дань обычья, -
 Успех восторженный у всех
 Без исключения и различья.

Второй успех
 Приходит в счет
 Всего, что сделано когда-то.
 Зато уж если он придет,
 То навсегда – и дело свято.

Обидно только, что второй
 Успех
 Не на рассвете раннем
 Приходит к людям,
 А порой
 С непоправимым опозданием.

В СРОК

Все приходит слишком поздно, -
 И поэтому оно
 Так безвкусно, пресно, постно, -
 Временем охлаждено.

Слишком поздно – даже слава,
 Даже деньги на счету, -
 Ибо сердце бьется слабо,
 Чуя бренность и тщету.

А когда-то был безвестен,
 Голоден, свободен, честен,
 Презирал высокий слог,
 Жил, не следуя канонам, -
 Ибо все, что суждено нам,
 Вовремя приходит, в срок.

СТАРОСТЬ

Жизнь ушла, отлетела,
 Поневоле спеша.
 На лицо и на тело
 Проступает душа.

Огорчаться не надо –
 Всяк получит свое:
 Старость - это награда
 Или кара за все.

Так что слишком и очень

Не сходите с ума,
Если кончилась осень
И настала зима.

ПРОЩАНИЕ СО СНЕГОМ

Вот и покончено со снегом,
С московским снегом голубым, -
Колес бесчисленных набегом
Он превращен в промозглый дым.

О, сколько разных шин! Не счесть их!
Они, вертясь наперебой,
Ложатся в елочку и в крестик
На снег московский голубой.

От стужи кровь застыла в жилах,
Но вдрызг разъезжены пути -
Погода зимняя не в силах
От истребления снег спасти.

Москва от края и до края
Голым-гола, голым-гола,
Под шинами перегорая,
Снег истребляется дотла.

И сколько б ни валила с неба
На землю зимняя страда,
В Москве не будет больше снега,
Не будет снега никогда.

ПРОЗРЕНИЕ

Впервые в жизни собственным умом
Под старость лишь раскинул я немного.
Не осознал себя твореньем бога,
Но душу вдруг прозрел в себе самом.

Я душу наконец прозрел - и вот
Вдруг ощутил, что плоть моя вместила
В себе неисчислимы светила,
Которыми кишит небесный свод.

Я душу наконец в себе прозрел,
Хотя и без нее на свете белом
Вполне хватало каждодневных дел,
И без нее возни хватало с телом.

ОТКУДА И КУДА

Едва сошел с трамвая -
И вот вокзал опять.
Куда ты - не понять,
Россия кочевая.

Куда на всех парах?
Зачем в твоём вокзале,
Хоть войны миновали,
Спят люди на полах?

Зачем храпят вповал,
Проход забили узкий,
Савеловский вокзал,
Казанский, Белорусский?

В чужие поезда
Ломился, забывая -
Откуда и куда
Россия кочевая...